

4 (17) апреля

Преподобномученики
Вениамин (Кононов) и Никифор (Кучин)

Преподобномученик Вениамин родился 4 января 1868 года в деревне Евсевиевской Шенкурского уезда Архангельской губернии в семье крестьян Василия Егоровича и Пелагии Ильиничны Кононовых и в крещении был наречен Василием. По обстоятельствам и обычаям того времени образование Василий получил дома. Благочестивые родители его не раз бывали в Соловецком монастыре, куда брали с собою и сына. И с каждым разом после посещения славной своими святыми основателями и насельниками обители в нем все более крепла решимость посвятить жизнь свою служению Господу.

Собор новомучеников и исповедников Соловецких

В 1893 году, когда Василию исполнилось двадцать пять лет, он поступил в монастырь трудником, а в 1897 году был принят в него послушником. В монастыре Василий руководил хлебопекарней и заведовал расходной монастырской лавкой. За это время он окончил шесть классов Соловецкого братского училища; показав большую склонность к иноческой жизни, он оказался благонравным и послушным, имеющим большие задатки к внутреннему самоуглублению. 12 июня 1903 года настоятель Соловецкого монастыря архимандрит Иоанникий (Юсов) постриг послушника Василия в монашество и

нарек ему имя Вениамин в честь священномученика Вениамина Синайского. 28 августа 1905 года монах Вениамин был рукоположен во иеродиакона, а 15 июля 1908 года – во иеромонаха; он исполнял послушания при мощах преподобных Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев и законоучителя братского училища.

22 февраля 1910 года иеромонах Вениамин был назначен духовником Соловецкого монастыря. 30 октября 1912 года он был назначен настоятелем Антониева Сийского монастыря и 23 декабря того же года возведен в сан архимандрита; в 1913 году – награжден наперсным крестом, в 1916-м – орденом святой Анны 3-й степени.

В 1913 году в Соловецком монастыре началась смута: некоторые из братии, недовольные распоряжениями архимандрита Иоанникия, выступили против настоятеля, и поскольку никаких серьезных обвинений представить они не могли, то и стали писать на него начальству различные клеветнические измышления; эта смута продолжалась четыре года и закончилась решением Святейшего Синода от 4 августа 1917 года уволить архимандрита Иоанникия на покой. Прочитав об этом решении Синода в газете, архимандрит Иоанникий перекрестился и сказал: «Слава Богу за все. Мне своих дел не стыдно». Ему в это время исполнилось шестьдесят семь лет.

Монастырь таким образом оказался без руководства, и 22 августа 1917 года исполняющий обязанности прокурора Московской Святейшего Синода конторы направил протопресвитеру Московского Большого Успенского собора Николаю Любимову письмо, в котором писал: «Принимая во внимание, что в монастыре среди известной части насельников господствует немирное настроение, что неблагоприятное внутреннее состояние монастыря усугубляется внешнею угрозою неприятеля, что сообщение с монастырем, вследствие прекращения осенью навигации, будет затруднено, для пользы обители представляется необходимым просить Святейший Синод ускорить выборами настоятеля монастыря, дабы не оставлять монастырь в трудное время без настоятельского руководства, и командировать на выборы особое духовное лицо».

На следующий день последовало распоряжение: провести выборы и командировать для наблюдения за ними епископа Угличского, vicария Ярославской епархии Иосифа (Петровых). По существующим в то время правилам, в выборах должны были участвовать только монахи, но, поскольку архимандриту Иоанникию ставилось в вину, что многие указные послушники, живя в монастыре по двадцать лет, не постригались в монашество, некоторые из оппозиционно настроенных монахов потребовали допустить и послушников к участию в выборах.

Выборы настоятеля были назначены на 4 сентября 1917 года. Поскольку архимандрит Иоанникий имел право быть вновь избранным, то он в этот день передал письмо, адресованное епископу Иосифу и братии:

«Ваше Преосвященство, Преподобные отцы и Братия! В интересах мира обители я отказываюсь от чести переизбрания в настоятели, предоставленной мне Святейшим Синодом.

Хочу остающиеся дни моей жизни окончить среди вас в безмолвии и уединении, в мире и безмятежии. Смиренно прошу всех вас простить мне грехи и прегрешения мои пред вами вольные и невольные. В свою очередь от души прощаю всех вас, кто согрешил предо мною. Усердно прошу вас принять меня в

свою среду как брата, как друга, как сомолитвенника вашего! Да благословит Господь Бог ваше избрание нового настоятеля».

4 октября 1917 года после молебна в Успенской трапезной церкви состоялись выборы нового настоятеля, которые производились тайным голосованием – путем подачи записок; в них участвовало 170 монахов и 77 указных послушников; «из поданных 247 записок подавляющее большинство (238) оказались за отца архимандрита Вениамина, настоятеля Сийского монастыря, бывшего духовника Соловецкой обители».

Настоятель Соловецкой обители архимандрит Вениамин

28 сентября 1917 года Святейший Синод назначил архимандрита Вениамина настоятелем Соловецкого монастыря. С самого начала управления монастырем отца Вениамина преследовали различные искушения, которые он связывал с неправильным, немонашеским поведением братии по отношению к прежнему настоятелю. В ночь с 7 на 8 декабря 1917 года в бучильном корпусе южного двора вспыхнул пожар, который перекинулся на другие постройки. Чудом удалось спасти монастырские постройки от огня. Отец Вениамин сказал тогда братии, что это несчастье попустил Бог за тяжкие братские грехи и смуту против настоятеля. «Все ли мы хороши сами? – сказал он. – Отца Иоанникия не считали ли первым человеком – и его же загрязняли, и заплевали, и заушали. Ныне я кажусь многим из братии хорошим, но боюсь, что придет, и скоро, время, когда и я буду казаться тоже худым и ненужным, и против меня также начнут вести козни и смуты». Архимандрит Вениамин призвал братию монастыря к миру, любви и примирению и забвению скорбного прошлого.

Во время этой беседы вперед выступил иеродиакон Вячеслав, который стал поносить бывшего настоятеля, обвиняя его в различных преступлениях. Но братия, прервав смутьяна, вывела его из помещения.

«Отныне никаких обвинений против отца Иоанникия я принимать не буду», – завершая беседу, твердо заявил новый настоятель.

Архимандриту Вениамину удалось на время восстановить порядок в обители, некоторые монахи-смутьяны покинули монастырь, остальные внешне смирились.

В это время власть в России уже захватили безбожники-большевики и в стране началась гражданская война. Большевики издали декрет об отделении Церкви от государства, Церковь лишалась прав юридического лица, а все ее имущество государством реквизировалось. В связи с этим декретом братия обители приняла меры к сохранению наиболее чтимых святынь, а также тех ценностей из ризницы, которые имели богослужебное употребление. По указанию архимандрита Вениамина эти ценности были скрыты в стене и под папертью Спасо-Преображенского собора, а также над алтарем Никольской церкви. Тайные хранилища для продовольственных запасов начали строиться рядом с Амбарным озером и озерными каналами. Ближайшим помощником настоятеля в этих работах стал иеромонах Никифор (Кучин).

21 февраля 1920 года Красная армия вошла в Архангельск, а 29 апреля на Соловки прибыла Особая комиссия Губревкома, и с островов стали вывозиться запасы продовольствия. Чтобы отстоять монастырь от разграбления и сохранить хоть что-то из продовольствия, архимандрит Вениамин 20 июня 1920 года обратился с жалобой в Кемский продовольственный комитет.

«Всепокорнейше прошу Кемский уездный продовольственный комитет, – писал он, – обратить внимание на Соловецкую обитель и не дать братству погибнуть зимою с голоду, потому что, если не достанет хлеба хотя бы на пятнадцать дней, – все мы должны будем помереть с голоду на диком, суровом морском острове.

Монастырю необходимо иметь годовой запас продовольствия, а вследствие сего долгом считаю просить комитет оставить в монастыре ту годовую норму, которая полагается на братию монастыря в количестве 430 человек...»

Власти, однако, проигнорировали просьбу монахов, и под руководством Губревкома продолжилось разграбление монастыря. Многие церковные ценности были найдены по указанию самих монахов, ранее бунтовавших против архимандрита Иоанникия.

12 августа 1920 года из Соловков была отправлена в Архангельский губисполком телеграмма, в которой сообщалось, что сотрудниками Чeka, благодаря указаниям некоторых монахов, были найдены замурованные церковные изделия.

В ответ было получено распоряжение: «Серебро заарестовать, произвести расследование и выяснить виновных в сокрытии».

С этого времени в Соловецкой обители началась новая смута, но уже против архимандрита Вениамина. Затаивший обиду на настоятеля иеродиакон Вячеслав от имени небольшой группы поддерживавших смуту монахов направил заявление к одному из новых руководителей Соловецких островов: «Мы, видя Ваше снисхождение, сознавая свои вины и опасаясь за будущее, осмеливаемся обратиться к Вам, а в лице Вашем и ко всей Советской власти, с нижайшей просьбой: ...оставить наше общество жить на тех началах, какие были начертаны нашими представителями и основателями: Василием Великим, Феодором Студитом, а русскими – Антонием, Феодосием Киевскими и последующими до наших основателей: Зосимы и Савватия и Филиппа, борца за угнетенных. Эти лица

и подобные им... не имели в виду никаких политических целей, ни захвата власти и земли, но единственная их цель – возвышение бессмертного человеческого духа над тварностью, а потому они к власти относились безразлично, добросовестно, без лести и лицемерия и неукоризненно. Начала эти выражались одним словом – “общежитие”... Благодаря перевороту в России, нам удалось отстранить от власти тирана Иоанникия. Но, к сожалению, в выборе нового настоятеля мы ошиблись, как видите: он уже скоро три года управляет, а ничего на пользу общества не сделал... Посему верится, что Ваша Советская власть действует по Промыслу Божественному. И если Вы найдете возможным хотя бы маленькое провести расследование, то мы можем дать Вам те черновики, которые писали в разное время о фактах преступлений... В сокрытии монастырских продуктов просим также не обвинять всю братию, тщательно узнать, кто виновные, и наказать по закону преступления. Конечно, главные виновники – настоятель, соборные (старцы) и содержатели разных частей (хозяйства монастыря)...»

К осени 1920 года на Соловецком архипелаге разместилось множество советских организаций, которые занимались большей частью вывозом монастырского имущества, начал действовать уже и концлагерь. В конце 1920 года архимандрит Вениамин и иеромонах Никифор были арестованы по обвинению в сокрытии монастырских ценностей и хранении оружия и отправлены на принудительные работы на лесозаготовки в Холмогоры.

Преподобномученик Никифор (в миру Николай Иванович Кучин) родился 1 мая 1880 года в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии. Служил в армии и дослужился до чина унтер-офицера. После выхода в отставку Николай Иванович в 1909 году поступил в Соловецкий монастырь, в 1913 году архимандрит Иоанникий постриг его в монашество с именем Никифор. В монастыре монах Никифор окончил пять классов братского училища. Проходил послушание заведующего рухлядой палаткой, был рукоположен во иеромонаха и во время начавшихся гонений на Русскую Православную Церковь явился ближайшим помощником архимандрита Вениамина.

После отбытия заключения в 1922 году, архимандрит Вениамин и иеромонах Никифор поселились на Соловецком подворье в Архангельске, а после закрытия подворья – у некоего архангелогородского фармацевта, который, как православный, и приютил оставшихся без крова монахов. Но жизнь в шумном городе была не по душе монахам, искавшим уединения, и они по совету послушника Соловецкого монастыря Степана Антонова летом 1926 года переехали в село Часовенское Архангельской области к его сестре Анне. Тем же летом они соорудили себе келью в глухом лесу, в сорока верстах от ближайшего населенного пункта – деревни Коровкинской. В небольшой избе площадью около двадцати квадратных метров было лишь самое необходимое; из монастырских вещей у них оставались: никелированный самовар, кофейник и настольные часы с боем. В самой комнате стояли две кровати и висело несколько икон. Возле кельи пустынножители завели небольшой огород, на котором они стали выращивать овощи, и ледник для хранения продуктов. Питались они овощами с огорода и рыбой, которую ловили в Волкозере, на высоком берегу которого и стояла их келья. Недостающие продукты им привозил дважды в год из Архангельска Степан Антонов. Место это было настолько глухое, что лишь изредка забредал к ним какой-нибудь случайный охотник, и они прожили здесь в молитве и трудах почти два года.

В 1925 году в деревне Коровкинской появился молодой человек по фамилии Ярыгин, который промышлял кражами, за что был дважды судим; в 1927 году в селе Часовенском поселился комсомолец лет двадцати, по фамилии Иванов. Впоследствии он устроился на работу лесным обходчиком и от местных охотников разузнал дорогу к келье пустынников. Враг рода человеческого диавол вселил ему мысль убить и ограбить монахов, внушив, что содеянное останется безнаказанным, так как все монашествующие объявлены советской властью вне закона и за таковых советская власть заступаться и строго наказывать не будет. Зимой 1927 года Иванов разыскал лесную келью монахов и, ссылаясь на неких общих знакомых, попросился к ним переночевать. Недоброе почувствовали в пришельце монахи, но по долгу христианского странноприимства не смогли отказать и впустили в дом для ночлега человека-убийцу. Иванов, заночевав у монахов, выглядел обстановку кельи и, хотя в ней не было ничего от роскоши, остался при той же мысли – ограбить монахов.

Весной 1928 года он подбил Ярыгина на грабеж. На дьявольское дело разбойники вышли перед самой Пасхой. К вечеру 17 апреля – это был вторник Светлой седмицы – они дошли до Волкозера. Вся келья была освещена изнутри – монахи совершали пасхальное богослужение.

Когда все молитвы были завершены и в доме погас свет, убийцы вплотную подошли к окнам; хорошо изучив внутреннее расположение комнаты, Иванов стал стрелять туда, где стояли кровати, чтобы попасть в монахов. Вскоре раздались стоны – и наступила тишина. Убийц, однако, обуял такой страх, что они не посмели зайти в келью и, остановившись в сенях, оттуда влезли на чердак: взяли несколько пар сапог, два дождевика, нижнее белье, носки, брюки, кусок черного брезента, голубой эмалированный чайник, набор рыболовных крючков и плотницкий инструмент. На чердаке же они нашли и посудину с керосином и решили сжечь монахов вместе с избушкой. Убийцы облили керосином стены и подожгли и тогда услышали, как изнутри кельи вновь раздались крики, так как священноиноки еще были живы.

Преподобномученики Вениамин и Никифор

9 июня 1928 года Степан Антонов, как обещал, приехал навестить пустынников, но обнаружил лишь сгоревшую келью и два обгоревших скелета.

Убийцы были вскоре арестованы; Иванов пытался оправдать преступление контрреволюционностью монахов, однако это ему не удалось, и суд приговорил убийц к десяти и восьми годам заключения.

За десять лет до мученической кончины архимандрита Вениамина и иеромонаха Никифора, 31 марта 1918 года, Патриарх Тихон, зря на Русскую землю, кровью мученическою поливаемую, сказал: «Бодрствовали, очевидно, над собой те, коих из нашей среды удостоил Господь венца великомученического... Но что же мы можем сделать, что можем придумать, к кому нам обратиться с жалобой на эти злодеяния?.. Все страшное, что творится сейчас среди нас, без сомнения, попускается Промыслом Божиим за грехи наши. Все совершается не без Его святой воли... Очевидно, и ныне Он Сам, Всемогущий, увеличивая наше дело благоустроения церковного, возрождает и обновляет Церковь кровию новых священномучеников и мучеников... Смиримся же пред Ним, покоримся Ему, рекшему на все века и всем Своим ученикам: “Без Мене не можете творити ничесоже”».

Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников
Российских XX века. Апрель». Тверь. 2006. С. 9-19